

Distr.
GENERAL

A/CN.4/490/Add.3
11 May 1998
RUSSIAN
ORIGINAL: ENGLISH

КОМИССИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
Пятидесятая сессия
Женева, 20 апреля - 12 июня 1998 года
Нью-Йорк, 27 июля - 14 августа 1998 года

ПЕРВЫЙ ДОКЛАД ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВ, ПОДГОТОВЛЕННЫЙ
СПЕЦИАЛЬНЫМ ДОКЛАДЧИКОМ Г-НОМ ДЖЕЙМСОМ КРОУФОРДОМ

Добавление

СОДЕРЖАНИЕ

	<u>Пункты</u>	<u>Стр.</u>
I. РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ ЗА "ПРЕСТУПЛЕНИЕ" И "ПРАВОНАРУШЕНИЕ" (продолжение)		
Е. Возможные подходы к международным преступлениям государств	76 - 101	3
1. Два предварительных вопроса	78 - 81	4
2. Рассмотрение вариантов	82 - 100	6
a) Status quo	82 - 86	6
b) Замена понятия "международные преступления" понятием "исключительно серьезное противоправное деяние"	87 - 88	9
c) Установление уголовной ответственности государства	89 - 92	10
d) Исключение возможности, связанной с преступлениями государства	93 - 96	12

СОДЕРЖАНИЕ (продолжение)

	<u>Пункты</u>	<u>Стр.</u>
е) Декриминализация ответственности государства	97 - 100	13
3. Рекомендация	101	14

І. РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ ЗА "ПРЕСТУПЛЕНИЕ" И "ПРАВОНАРУШЕНИЕ" (продолжение)

Е. Возможные подходы к международным преступлениям государств

76. Возможны пять разных подходов к вопросу об уголовной ответственности государств, поставленному статьей 19 и связанными с ней положениями.

а) Использовать подход, отраженный в настоящих проектах статей. Как отмечалось, в проектах статей используется подход "правонарушения плюс"¹⁰¹. В их тексте, и в частности в Части второй, излагается ряд последствий, наступающих в случае всех нарушений международных обязательств, и затем эти последствия изменяются в некоторых отношениях применительно к международным преступлениям;

б) Заменить концепцией "исключительно серьезного противоправного деяния". Вторая возможность, в общем виде изложенная в сноске к статье 40¹⁰², заключается в замене термина "преступление" каким-то другим термином, например "исключительно серьезное противоправное деяние", и проведении в Части второй различия между режимом, применимым к таким деяниям, и режимом, применимым к "обычным" противоправным деяниям;

с) Разработать в проектах статей полномасштабный режим уголовной ответственности государств. Третья возможность, которая, по всей видимости, пересматривалась при принятии статьи 19, сопряжена с установлением полномасштабного режима уголовной ответственности государств за такие преступления, как агрессия, геноцид, апартеид и другие международные преступления государства;

д) Отказаться от концепции уголовной ответственности государства. На противоположной стороне спектра находится мнение о том, что международное право не признает и не должно признавать какую-либо отдельную категорию уголовной ответственности государства и что, следовательно, в проектах статей нет места для понятия международных преступлений;

е) Исключить это понятие из проектов статей. Еще один подход заключается в исключении уголовной ответственности государства из проектов статей, но по несколько иной причине, а именно по причине того, что разработка надлежащего режима уголовной ответственности, даже если предположить, что это желательно в принципе, не является делом, за которое следует или целесообразно браться на данном этапе или в этом тексте.

77. Прежде чем обсуждать эти пять вариантов, следует отметить, что разногласия в этой области возникают на различных уровнях и касаются разных сторон вопроса¹⁰³. Например, существуют разногласия относительно того, признает ли в настоящее время международное право преступность государства; существуют разногласия и в том, должно ли оно это делать. Однако имеются также разногласия относительно того, входит ли соответствующим образом какой-либо существующий или возможный режим преступности государства в общую область ответственности

¹⁰¹ См. выше, пункт 73.

¹⁰² См. выше, пункт 51.

¹⁰³ Обширную литературу по вопросу о международных преступлениях и их последствиях см. в библиографии, содержащейся в приложении к настоящему докладу.

государств. В большинстве правовых систем преступления рассматриваются вне общих правовых норм об обязательствах как с процессуальной, так и с материально-правовой точек зрения. Кроме того, существует вопрос о том, какие последствия для проектов статей в целом может иметь попытка разработать понятие международных преступлений государства, которое будет, скорее всего, применяться лишь к весьма незначительному числу всех противоправных деяний государства. Короче говоря, существуют разногласия относительно действующих правовых норм и правильной политики; имеются разногласия в отношении классификации; и существуют прагматические и эмпирические вопросы относительно разумного поля деятельности Комиссии. Это -

самостоятельные, хотя, бесспорно, и как-то связанные между собой вопросы. Можно, например, придерживаться мнения о том, что, хотя в настоящее время международное право не признает понятия преступления государства, оно должно его признавать; в то же время можно считать, что любой режим преступности государства должен быть самостоятельным и не входить в общую ответственность государств по аналогии с тем, как в большинстве национальных правовых систем самостоятельными являются уголовная и гражданская ответственность.

1. Два предварительных вопроса

78. Прежде чем анализировать различные возможные подходы, следует указать на два предварительных вопроса: во-первых, релевантность или иррелевантность главы VII Устава Организации Объединенных Наций; во-вторых, релевантность или иррелевантность общих концепций "преступления" и "правонарушений", вытекающих из иного международного и национального правового опыта.

79. Когда впервые была принята статья 19, Совет Безопасности играл лишь ограниченную роль в соответствии с главой VII, и не предполагалось, что он может стать одним из основных инструментов для реагирования на международные преступления государства. В комментариях к статье 19 просто отмечалось, что, даже если проекты статей примут форму конвенции, они не могут обуславливать положения Устава, касающиеся поддержания международного мира и безопасности, или отходить от них¹⁰⁴. Обсуждение этого вопроса было продолжено в контексте Части второй как до, так и после принятия статьи 39¹⁰⁵. В своих комментариях, высказанных до настоящего времени, правительства поддержали принцип, лежащий в основе статьи 39, затронув при этом некоторые вопросы, касающиеся его формулировки¹⁰⁶.

80. Проекты статей не могут изменять или обуславливать положения Устава или принятые в соответствии с ним в должном порядке меры. Однако такие меры, безусловно, могут быть приняты в ответ на международное преступление, определенное в статье 19, и не только в случае агрессии, конкретно указанной в Уставе. По самой меньшей мере, это создает дополнительные трудности в плане всеобъемлющего и эффективного решения вопроса о международных преступлениях в проектах статей. В области, в которой соответствующие нормы международного права являются императивными, проекты статей будут наделены вторичной, остаточной ролью. Такой контраст предполагает, что любая разработка понятия международных преступлений в проектах статей должна быть ограничена в значительной степени.

¹⁰⁴ Сноска 57 выше, комментарий к статье 19, пункт 55.

¹⁰⁵ См. Ежегодник ... 1992 год, том II (часть первая), пункты 260-266. В результате этого, несмотря на сомнения, выраженные членами, включая тогдашнего Специального докладчика, статья 39 изменена не была.

¹⁰⁶ См. A/CN.4/488, комментарии правительств по статьям 37, 38 и 39.

81. Второй предварительный вопрос касается проблемы так называемой "внутренней аналогии". При принятии статьи 19 Комиссия предупредила, что термин "международное преступление" не следует путать с термином, используемым в других международных документах или в национальных правовых системах¹⁰⁷. Однако сложно просто отбросить обширный международный опыт, связанный с преступлениями и наказаниями за них. Предлагая категорию преступлений государств, Комиссия, бесспорно, вторглась в значительной степени в неисследованную область. Однако притягательность понятия "международного преступления", особенно в случае наиболее серьезных противоправных деяний, таких, как геноцид, нельзя отделить от общечеловеческого опыта. Основопологающее понятие серьезного правонарушения, направленного против сообщества в целом и подлежащего моральному и юридическому осуждению и наказанию, должно в определенном смысле и степени быть общим для международных преступлений государств и для других форм преступлений¹⁰⁸. Если это не так, то понятия и термина "преступление" следует избегать. Кроме того, при рассмотрении вопроса о том, как реагировать на преступления против сообщества государств в целом, возникают многие из тех же проблем, что и в контексте общего уголовного права. Суровое осуждение и наказание населения государства в случае серьезного преступления без соблюдения законности является не менее несправедливым, чем такое осуждение и наказание отдельного человека. Какие бы ни возникали проблемы временного характера при создании учреждений уголовного правосудия на международном уровне, не вызывает сомнений, что международное сообщество не может устанавливать для себя менее строгие стандарты по сравнению с теми, которые оно устанавливает для индивидуальных государств. При проведении аналогий между национальным и международным правом всегда следует проявлять большую осторожность¹⁰⁹. Однако в случае принятия той или иной концепции и терминологии, которые связаны с богатым национальным и международным юридическим опытом, вряд ли можно возражать против того, чтобы такой опыт и основанные на нем юридические стандарты также считались потенциально релевантными.

¹⁰⁷ См. выше, пункт 74.

¹⁰⁸ Для этой цели не имеет разницы, воспринимается ли "международное сообщество" как сообщество государств или в более широком и полном смысле: преступления, которые вызывают нашу озабоченность, посягают на обе категории.

¹⁰⁹ См., например, Status of South West Africa Case, I.C.J. Reports, 1950, p. 132; cf. Lord McNair, p. 148.

2. Рассмотрение вариантов

a) Status quo

82. Когда Комиссия впервые установила различие между международными правонарушениями и международными преступлениями, она призвала к разработке двух самостоятельных режимов¹¹⁰. Однако в данном случае проекты статей разрабатывались на основе единственного понятия "международно-противоправного деяния" до тех пор, пока не возник вопрос о том, какие дополнительные и новые последствия должны быть установлены в отношении международных преступлений. Таким образом, в статье 19 в общих чертах была сформулирована довольно претенциозная концепция международных преступлений, которая, однако, в остальной части текста едва прослеживается. В этом можно убедиться, рассмотрев три аспекта нынешних проектов статей, соответствующих ее трем частям.

83. За исключением самой статьи 19, в положениях о "происхождении международной ответственности", изложенных в Части первой, не проводится различие между международными преступлениями и международными правонарушениями. Таким образом, нормы о присвоении ответственности одинаковы для обеих категорий. Однако можно предположить, что, для того чтобы государство было привлечено к уголовной ответственности, потребуется установить более тесную связь с реальным лицом или лицами, чье поведение повлекло за собой преступление. В то же время положения о причастности одного государства к международно-противоправному деянию другого государства вполне могли бы быть более жесткими применительно к международным преступлениям, чем применительно к международным правонарушениям. Как бы ни обстояло дело с правонарушениями, никто не должен никоим образом оказывать помощь или содействие другому в совершении преступления. Однако в статье 27 такое различие не проводится. Определение обстоятельств, исключающих противоправность, в статьях 29-34 с формальной точки зрения является одинаковым для международных преступлений и международных правонарушений¹¹¹. Между тем совершенно не очевидно то, что условия, применимые, например, к форс-мажорным обстоятельствам или необходимости, должны быть одинаковыми в обоих случаях, а понятие "согласия" в отношении преступления, по-видимому, будет исключено. Прежде всего, понятие "объективной" ответственности, которое является основным принципом проектов статей, вызывает большие сомнения в отношении международных преступлений, чем в отношении международных правонарушений, и применительно к международным преступлениям в большей степени ощущается необходимость в установлении прямого и общего требования в отношении вины (*dolus culpa*). Можно отметить, что эти вопросы надлежит решать с помощью первичных норм (например, посредством определения агрессии или геноцида) и некоторые релевантные первичные нормы действительно содержат такие элементы. Однако категория "международных преступлений", если она существует, не может быть замкнутой, и предположительно должна включать в себя по меньшей мере некоторые общие нормы, касающиеся требования в отношении вины при совершении преступления. Однако в проектах статей такие нормы отсутствуют.

¹¹⁰ См. пункт 73, выше.

¹¹¹ Условия, изложенные в статьях 29-34, действительно будут часто исключать их применимость к преступлениям, например, в связи с согласием (статья 29) требование о том, что согласие дается "правомерным образом". Это говорит о том, что ключевые положения проекта можно сформулировать таким образом, чтобы они учитывали весьма различные противоправные деяния.

84. В Части второй проектов статей, озаглавленной "Содержание, формы и степень международной ответственности", в некоторых отношениях проводится различие между международными преступлениями и международными правонарушениями, как это отмечалось выше. Однако эти различия не имеют большого значения.

а) Что касается определения "потерпевшего государства" (статья 40), то хотя верно, что все государства являются потерпевшими в случае международного преступления, таковыми также являются все государства, определенные в качестве "потерпевших", например, в результате нарушения любой нормы, установленной для защиты прав человека и основных свобод", а в проектах статей между разными категориями "потерпевших государств" никакого другого различия не проводится.

б) Что касается прав потерпевшего государства в отношении прекращения противоправного поведения и возмещения, то проведенные различия излагаются в статье 52. Можно настаивать на реституции, хотя она несоразмерно выгодней для потерпевшего государства по сравнению с компенсаций (статья 52а). Реституция в случае преступлений не может ставить под серьезную угрозу политическую независимость и экономическую стабильность государства-правонарушителя (там же). Можно требовать сатисфакцию, которая наносит ущерб достоинству этого государства (статья 52b). Вместе с тем в статье 52 ничего не говорится о штрафных убытках, не говоря уже о штрафах или иных формах возможного вмешательства в деятельность правительства государства-правонарушителя, которое может способствовать восстановлению законности¹¹². Кроме того, последствия, предусмотренные в статье 52, задуманы в рамках требований одного или более потерпевших государств произвести реституцию. Четкого положения о согласовании этих последствий нет. Хотя дополнительные последствия, предусмотренные в статье 52, нельзя назвать незначительными, необходимо признать, что они не являются самым важным элементом для понятия "международное преступление", как оно определено в статье 19, и не достаточны сами по себе для его обоснования;

с) что касается возможности принятия контрмер в соответствии со статьями 47-50, то различие между государствами, ставшими потерпевшими в результате преступлений, и другими потерпевшими государствами не проведено. В рамках категории "потерпевшего государства", определение которого содержится в статье 40, не проведено различие между государствами, "непосредственно" затронутыми нарушением, и другими государствами. Отсутствует также какое-либо положение о согласовании контрмер всеми потерпевшими государствами в случае преступлений¹¹³;

¹¹² В случае многих из наиболее серьезных преступлений (например, геноцид, преступления против человечности) потери или ущерб невозможны; это также справедливо в отношении побочных последствий агрессивной войны. Помимо прекращения, которое требуется в любом случае международным правом, основные последствия таких преступлений будут находиться в областях компенсации и сатисфакции. Некоторые из элементов "сатисфакции" в соответствии со статьей 45 (например, предание суду и наказание виновных) являются очень важными, однако они не ограничиваются международными преступлениями. Единственное отличительное последствие касается мер сатисфакции, наносящих ущерб "достоинству" государства, совершившего противоправное деяние. Неосоздаваемое абстрактное понятие "достоинства" представляет собой шаткую основу для проведения различия между международными преступлениями и правонарушениями.

¹¹³ В статье 49 содержится требование о том, что контрмеры не должны быть "несоразмерны с ... его последствиями для потерпевшего государства". Это может представлять собой косвенное ограничение.

d) что касается обязательств всех государств, возникающих в случае международных преступлений, то они определены в статье 53. Три из них сформулированы в негативной форме: a) не признавать в качестве законной ситуацию, создавшуюся в результате такого преступления; b) не оказывать помощь или содействие государству, совершившему такое преступление, в сохранении сложившейся в результате этого ситуации; и c) сотрудничать с другими государствами в выполнении этих (сформулированных в негативной форме) обязательств. Однако что касается статьи 53a, то обязательство не признавать в качестве законных незаконные ситуации в международном праве не ограничивается международными преступлениями. Например, государства не должны признавать в качестве законного приобретение территории посредством применения силы или угрозы ее применения не только тогда, когда такое применение силы является преступлением, но тогда, когда оно противоправно¹¹⁴. Подобным образом, какое-либо третье государство не вправе признавать в качестве законного, например, незаконное задержание или убийство дипломата. Что касается статьи 53b, то можно задать вопрос о том, имеет ли какое-либо третье государство право оказывать государству-правонарушителю помощь в сохранении незаконной ситуации, сложившейся в результате деяния, не представляющего собой преступления. По меньшей мере согласно статье 27 проектов статей, дело обстоит иначе. Статья 27 обязывает государства не оказывать помощь или содействие в свершении или продолжении свершения незаконного деяния другим государством, независимо от того, является ли это деяние преступлением. Таким образом, сами проекты статей могут быть непоследовательными в этом отношении. Помимо всех этих сформулированных в негативной форме обязательств, в статье 53d предусматривается, что государства обязаны "сотрудничать с другими государствами в осуществлении мер, направленных на ликвидацию последствий такого преступления". Это умеренное по своему характеру обязательство проявлять солидарность, не предполагающее обязанности предпринимать какие-либо инициативы. Однако снова следует задать вопрос *a contrario*: подразумевает ли статья 53d, что государства не обязаны сотрудничать в ликвидации незаконных последствий, например, серьезного нарушения прав человека, не составляющего преступления, или некоторых других обязательств *erga omnes*?

85. В Части третьей проектов статей об урегулировании споров вообще отсутствуют специальные положения о преступлениях. Это вступает в резкий контраст со специальным положением об урегулировании споров в случае контрмер.

86. Из этого явствует, что последствия, наступающие в случае международных преступлений в соответствии с настоящими проектами статей, являются ограниченными и большей частью не исчерпывающими и что процессуальные аспекты этой концепции совсем не разработаны. Кто-то может сказать, что при нынешнем состоянии международного права эта "компромиссная позиция" представляет собой реальный максимум и что она по меньшей мере составляет основу для дальнейшего развития как права, так и практики. По мнению Специального докладчика, с этим аргументом согласиться трудно. Проекты статей в нынешнем виде не решают задачу, поставленную Комиссией в 1976 году и заключающуюся в разработке четкого специфического режима в отношении международных преступлений¹¹⁵. Напротив, сводя к минимуму последствия

¹¹⁴ См., например, Декларацию о дружественных отношениях, резолюция 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи от 24 октября 1970 года, принцип I, пункт 9.

¹¹⁵ См. пункт 73 выше.

преступлений, они умаляют значение правонарушений, хотя последние могут охватывать очень серьезные нарушения общего международного права¹¹⁶.

b) Замена понятия "международные преступления" понятием "исключительно серьезное противоправное деяние"

87. Вторая возможность, упомянутая в сноске к статье 40, принятой в первом чтении, заключается в замене "международных преступлений" понятием "исключительно серьезное противоправное деяние", что позволяет "избежать уголовной коннотации термина "международные преступления"¹¹⁷. Хотя эта идея получила определенную поддержку в комментариях правительств (как это обычно происходит с компромиссными решениями), она, по мнению Специального докладчика, сопряжена с проблемой основополагающего характера. Либо термин "исключительно серьезное противоправное деяние" (или какой-либо иной сходный термин, который может быть предложен) предназначен для обозначения отдельной категории правонарушений, связанной с отдельной категорией обязательств, либо нет.

- Если он обозначает не отдельную категорию, а просто наиболее серьезные нарушения международного права в некотором общем смысле, то нет оснований полагать, что мы имеем дело с отдельным режимом противоправных деяний или что соответствующий дифференцированный режим возмещения и контрмер не будет позволять должным образом реагировать на наиболее серьезные нарушения. Нарушения международного права могут совершаться в диапазоне от наиболее серьезных до относительно незначительных, и в Части второй уже предпринята попытка отразить эту дифференциацию безотносительно к вопросу о преступлениях;

- вместе с тем, если предлагаемый новый термин все-таки обозначает отдельную категорию, то он ее не называет. В современном международном праве двумя возможными категориями являются обязательства *erga omnes* и нормы *jus cogens*¹¹⁸. Однако хотя уже в силу своей сути они состоят из норм и принципов, в которых заинтересовано международное сообщество в целом, эти категории никак однозначно не соотносятся с понятием "наиболее серьезных нарушений". Могут совершаться очень серьезные нарушения обязательств, которые не являются обязательствами *erga omnes*, - например, нарушения дипломатического иммунитета, - и незначительные нарушения обязательств, которые являются обязательствами *erga omnes*. Не вызывает сомнений, что в Части второй проектов статей есть место для более систематического изложения особых последствий, которые могут наступать в случае нарушения норм *jus cogens* или обязательств *erga omnes* в рамках вторичных норм об ответственности государств. В проектах статей это уже сделано, хотя только в ограниченной степени¹¹⁹. Однако нет оснований полагать, что более систематическое изложение этих последствий в проектах статей приведет к установлению двух (или трех) отдельных режимов ответственности.

¹¹⁶ Следует отметить, что ни сторонники, ни оппоненты статьи 19 в Комиссии не удовлетворены положениями проектов статей; см., например, наименования, указанные в пункте 45, сноска 29, выше.

¹¹⁷ См. пункт 51 выше.

¹¹⁸ См. пункты 68-71 выше.

¹¹⁹ В частности, понятие обязательств *erga omnes* не отражено в определении "потерпевшего государства" в статье 40.

Поэтому в связи с предлагаемым переименованием международных преступлений возникает дилемма. С одной стороны, такое переименование могло бы отражать значительные различия в степени серьезности международно-противоправных деяний; кроме того, это могло бы указывать на существование определенных норм, распространяющихся на международное сообщество в целом (*jus cogens*, обязательства (*erga omnes*). С другой стороны, это может быть просто замаскированным указанием на понятие преступления, преступления, о котором не осмеливаются заявить открыто. В первом случае отсутствуют какие-либо доказательства существования отдельного режима ответственности за наиболее серьезные нарушения или за нарушения обязательств *erga omnes* или норм *jus cogens*, отличающегося от дифференциации последствий, наступающих в случае рассматриваемых конкретных деяний. В последнем случае отсутствуют какие-либо оправдания для такой исключительно косметической меры.

88. По этим причинам Специальный докладчик считает необходимым отказаться от двух возможных вариантов, в общем виде изложенных в проектах статей, и обратиться к иным, более фундаментальным вариантам.

с) Установление уголовной ответственности государства

89. Видимо, наиболее фундаментальный подход заключается в серьезном отношении к посылке в статье 19 и разработке режима для международных преступлений государства, определенно предусматривающего в случае таких преступлений правовые последствия, которые должны наступать за чудовищное с моральной точки зрения поведение. Основная притягательность этого подхода имеет два аспекта:

- во-первых, он апеллирует к реальности, состоящей в том, что государственные структуры могут быть причастны к преступному поведению в массовом масштабе - геноциду, попыткам уничтожить государства и изгнать или поработить их население. Руководить такими попытками, как указал Нюрнбергский трибунал, всегда будут отдельные люди и на определенном уровне государственной иерархии эти люди непременно будут действовать преступным образом. Все это так. Однако этих людей может быть трудно обнаружить или арестовать, и руководство со стороны нескольких лиц в ситуациях массовых нарушений требует пособничества многих других. Это одна из характеристик самых серьезных нарушений периода с 1930 года, которая заключается в том, что они совершались в рамках государственных структур и с их помощью;

- во-вторых, он апеллирует к верховенству права. В настоящее время международное право квалифицирует определенное поведение в качестве преступного, когда оно осуществляется отдельными людьми, в том числе выступающими в качестве глав государств или высокопоставленных государственных должностных лиц, и оно не дает этим лицам возможности сослаться на приказы руководства их государства в качестве защитного аргумента. Однако было бы странным, если бы само государство сохраняло свой иммунитет от ответственности. Было бы странным, если бы образцовый субъект международного права - государство - имел иммунитет в случае совершения именно тех преступлений, которые международное право в настоящее время во всех случаях квалифицирует в качестве преступлений.

90. Если международные преступления, указанные в статье 19, являются настоящими преступлениями, а не просто бранным выражением для описания серьезных нарушений некоторых норм, как это предполагается в предыдущем пункте, то необходимо задать вопрос: какой потребуются режим для реагирования на них. Чего следует ожидать от проектов статей, если они будут предусматривать режим международных преступлений государств в собственном смысле этого термина? Здесь следует отметить, что в международном праве существуют положения о том, как следует себя вести в случае утверждений о совершении преступлений. Оно содержит находящееся в

стадии развития понятие надлежащей правовой процедуре¹²⁰. В свою очередь, это понятие применялось по аналогии к корпоративным преступлениям на международном уровне такими органами, как Европейская комиссия по правам человека и Европейский суд¹²¹. Видимо, не все элементы надлежащей правовой процедуры, применимые согласно международному праву к национальному уголовному разбирательству, в равной степени применимы к международному уголовному разбирательству¹²². Однако было бы странным, если бы международное право имело понятия надлежащей правовой процедуры в отношении международных преступлений государств, совершенно отличающиеся от тех, которые касаются других международных преступлений.

91. Была высказана идея о том, что для режима уголовной ответственности государств в собственном смысле этого термина необходимы будут пять элементов. Во-первых, международные преступления государств должны быть надлежащим образом определены: *nullum crimen sine lege*. Во-вторых, необходимо будет разработать надлежащую процедуру для их расследования от имени всего международного сообщества. В-третьих, потребуются надлежащие процессуальные гарантии, т.е. надлежащая правовая процедура в случае обвинений в преступлениях в адрес государств. В-четвертых, необходимо установить надлежащие санкции, вводимые после определения от имени сообщества факта совершения преступления, и они должны быть должным образом определены: *nulla poena sine lege*. Эти санкции не будут зависеть от какой-либо имущественной ответственности, которая может возникнуть в связи с такими деяниями, как правонарушения, направленные против конкретных лиц или образований. В-пятых, необходимо установить определенную систему, с помощью которой государство-правонарушитель сможет искупить свою вину, с тем чтобы снять с себя обвинение в преступлениях. В противном случае последующие поколения будут нести на себе преступное клеймо.

92. Для установления подобных требований в отношении международных преступлений государства бесспорно потребуются богатое воображение. Однако эта задача не является *a priori* невыполнимой. Принято считать, что *societas delinquere non potest*, однако на национальном уровне быстрыми темпами развиваются формы корпоративной уголовной ответственности, которые доказывают свою полезность¹²³. Однако для настоящих целей чрезвычайно важно отметить, что ни одно из пяти условий, касающихся режима международных преступлений государств, если их правильно именовать, которые были определены в предшествующем пункте, в проектах статей не предусмотрено. Следует признать, что задача определения преступлений является в значительной степени вопросом, относящимся к сфере первичных норм. Однако крайняя неточность статьи 19 уже отмечалась, и уравнивание всех условий, касающихся преступлений, с условиями, касающимися правонарушений (вменение,

¹²⁰ См., например, Международный пакт о гражданских и политических правах, резолюция 2200 A (XXI) Генеральной Ассамблеи, приложение, статья 14, и ее эквиваленты в других документах.

¹²¹ См., например, *Société Sténuît v. France* (1990) ECHR Ser. A No. 232-A, обсуждается G.Stessens в "Corporate Criminal Liability. A Comparative Perspective", vol. 43 (1994), pp. 505-506.

¹²² См. заявление Апелляционной камеры Международного трибунала по бывшей Югославии в решении по делу *Тадича* (1996), *International Law Reports*, vol. 105, pp. 472-476 (paras. 42-46).

¹²³ См., например, B. Fisse and J. Braithwaite, *Corporations, Crime and Accountability* (Cambridge, University Press, 1993).

соучастие, оправдывающие обстоятельства и т.д.), в Части первой является в высшей степени нереальным¹²⁴. Вместе с тем другие четыре условия следует включить в проекты статей, если их цель заключается в том, чтобы удовлетворительным образом охватить международные преступления государства. Как показывает вышеприведенный анализ, проекты статей не удовлетворяют ни одному из этих требований. В статьях 51-53 не указываются особые (не говоря уже о строгих) последствия преступлений, правильно именуемые наказания¹²⁵. Что касается других трех элементов, то ни один из них не предусмотрен вообще. Решение этих вопросов будет большой задачей.

d) Исключение возможности, связанной с преступлениями государства

93. В соответствии с другим мнением, довольно широко распространенным в литературе, в действующем международном праве отсутствует достаточная база для понятия международных преступлений государства и обоснованные причины для разработки такого понятия. Отсутствует четкий пример, когда на авторитетном уровне было признано, что государство совершило преступление. Отсутствует также четкая потребность в такой концепции с учетом широкой применимости обычного режима ответственности государств и обширных полномочий Совета Безопасности по Уставу в случае угрозы международному миру и безопасности или нарушений международного мира и безопасности, и которые в настоящее время активно используются и на которые проекты статей никак не могут повлиять. Многие преступления государства в первую очередь затрагивают население самого "государства-правонарушителя"; наказание государства в таких случаях равнозначно косвенному наказанию пострадавших.

94. Комментарии правительств, выступающих против статьи 19, были резюмированы выше; в них содержится ряд новых доводов против понятия международных преступлений государств¹²⁶. Необходимость в этом понятии может быть также уменьшена благодаря созданию учреждений для уголовного преследования и предания суду лиц, совершивших международные преступления, - примером тому является предлагаемый международный уголовный суд.

95. Вместе с тем в связи с мнением о том, что в проектах статей вообще должна быть исключена возможность, связанная с преступлениями государств, возникают определенные сложности. Во-первых, в практике государств понятие международных преступлений государств пользуется определенной поддержкой по меньшей мере в случае нескольких преступлений, таких, как агрессия. Только государства могут совершать агрессию, и агрессия типично квалифицируется в качестве преступления¹²⁷. Кроме того, несмотря на то, что число случаев, когда поведение государства действительно было квалифицировано как преступление, является весьма незначительным, имели место случаи, когда с государствами обращались как с настоящими преступниками, и необходима более упорядоченная процедура, которая в не в такой степени зависит от чрезвычайных полномочий Совета Безопасности. С точки зрения политики можно было бы выдвинуть аргумент о том, что правовые системы по мере своего развития, как представляется, начинают испытывать потребность в понятии корпоративной уголовной

¹²⁴ См. пункты 49-50, 82 выше.

¹²⁵ См. пункты 51, 83 выше.

¹²⁶ См. пункт 52 выше.

¹²⁷ См. например, принцип I, пункт 9 Декларации о дружественных отношениях, сноска 114 выше.

ответственности для различных целей; не совсем ясно, может ли или должна ли Комиссия исключать эту возможность в перспективе в отношении государства как юридического лица.

96. По этим и иным причинам несколько правительств продолжают поддерживать различие между преступлениями и правонарушениями, сформулированными в статье 19. Не следует также забывать, что на ранних этапах обсуждений Части первой это различие получило довольно широкое признание¹²⁸.

е) Декриминализация ответственности государств

97. По мнению Специального докладчика, нет необходимости или возможности решить вопрос о преступлениях государств в перспективе. Существует определенная практика в поддержку этого понятия, однако за возможным исключением преступления агрессии, которое конкретно рассматривается в Уставе Организации Объединенных Наций, эта практика находится в зачаточном состоянии. Согласованная система для рассмотрения преступного поведения государств в настоящее время отсутствует как с процессуальной, так и с материально-правовой точек зрения; обе эти точки зрения одинаково важны. Маловероятно, что проекты статей смогут заполнить этот пробел с учетом, в частности, многих других вопросов, которые все-таки должны быть решены в проектах статей, и необходимости не допустить их перегрузки, в случае чего увеличивается опасность полного провала.

98. Вместе с тем уже существует концепция обязательств *erga omnes*, т.е. обязательств по отношению ко всему международному сообществу, а также концепция норм, отход от которых недопустим (*jus cogens*). Обе эти концепции необходимо отразить по мере необходимости в проектах статей. Это не приведет к повторному включению концепции "международных преступлений" под другим именем. Исторически режим ответственности государств использовался для того, чтобы охватить весь спектр нарушений международного права вплоть до наиболее серьезных. Речь не идет о том, что принятие мер в отношении наиболее серьезных нарушений является исключительной прерогативой международных организаций, в частности, Совета Безопасности. Государства, проявляющие солидарность с государствами, пострадавшими наиболее непосредственным образом, также играют свою роль.

99. Разделение вопроса об уголовной ответственности юридических лиц и вопросов, возникающих в рамках общих правовых норм об обязательствах, является совершенно логичным для международного права, как и для других правовых систем. Можно установить особые связи между этими двумя категориями. Например, жертвы могут добиваться возмещения с помощью постановления о компенсации после установления вины. Однако категории продолжают оставаться разными, и существует понимание, согласно которому общие правовые нормы об обязательствах функционируют без ущерба вопросам отправления уголовного правосудия. В рамках такой системы правовые нормы об обязательствах сохраняют свой довольно общий характер с точки зрения охвата, распространяясь на наиболее серьезные правонарушения как нарушения обязательств, несмотря на то, что эти правонарушения могут также представлять собой преступления. Была высказана идея о том, что в этом заключается наиболее целесообразное и логичное решение проблемы международных преступлений, затронутой в статье 19. Она не исключает развитие в будущем понятия международных преступлений государства в соответствии с должными стандартами надлежащей правовой процедуры, применяемыми в случае любого уголовного обвинения. В то же время оно не превращает в банальность другие серьезные нарушения международного права, как

¹²⁸ См. пункты 44, 53 выше.

это почти наверняка произойдет в случае сосуществования категории международных преступлений и категории международных правонарушений в проектах статей.

100. В силу вышеизложенных причин признание концепции "международных преступлений" представляло бы собой значительный этап в развитии международного права. В нынешнем проекте статей эта концепция и ее последствия для международного правопорядка должного отражения не получили, да этого от него нельзя было и ожидать. Данный вопрос требует самостоятельного изучения, будь то со стороны Комиссии, если Шестой комитет поручит ей такую задачу, или со стороны какого-то иного органа.

3. Рекомендация

101. Рекомендуется исключить из проектов статей статью 19 (и, следовательно, статьи 51-53). В контексте второго чтения Части второй пункт 3 статьи 40 должен быть пересмотрен, в частности, с тем, чтобы в нем шла речь о нарушениях обязательств *erga omnes*. Следует понимать, что исключение из проектов статей понятия "международных преступлений" государств не наносит ущерба а) сфере охвата проектов статей, которые по-прежнему будут охватывать все нарушения международных обязательств, независимо от их происхождения; б) понятию "международных преступлений государств" и его возможному будущему развитию, будь то в качестве отдельной темы для Комиссии или в рамках практики государств и практики компетентных международных организаций.
